Белоногов Ю.Г. Реализация указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 года в первое полугодие Великой Отечественной войны (на материалах Пермского края) // *Технологос*. – 2020. – № 3. – С. 7–21. DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.01

Belonogov Yu.G. Implementation of the Supreme Soviet Presidium Decree of June 26, 1940 in July – December 1941 (on the Materials of Perm Region). *Technologos*, 2020, no. 3, pp. 7-21. DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.01

DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.01

УДК 331.108.64+349.225.6](470.53)“1941”

РЕАЛИЗАЦИЯ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 ГОДА В ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Ю.Г. Белоногов

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 01 апреля 2020 г.
Принята: 03 сентября 2020 г.
Опубликована: 16 декабря 2020 г.

Ключевые слова:

трудовая дисциплина, самовольное оставление места работы, текучесть рабочей силы, Пермский край, «плохой труд», Указ от 26 июня 1940 г., Указ от 26 декабря 1941 г., дезертирство на производстве

АННОТАЦИЯ

Рассмотрена правоприменительная практика реализации Указа от 26 июня 1940 года до принятия Указа от 26 декабря 1941 года, по которому было ужесточено уголовное наказание за дезертирство с трудового фронта. На основе задействованных статистических данных о количестве осужденных и исключенных из партии за нарушения трудовой дисциплины автор делает вывод о том, что партийно-государственные органы власти вынуждены были отказаться от кампанейского продолжения карательной политики. Данный отказ проявлялся в целенаправленном разделении нарушителей трудовой дисциплины на «злостных» и «случайных», в установках на недопущение незаконных случаев привлечения к уголовной ответственности, в некотором снижении количества лиц, привлеченных к уголовной и партийно-дисциплинарной ответственности, в общем смягчении и пересмотре жестких наказаний. Это объяснялось высоким уровнем социальной напряженности, вызванным прежним курсом усиления карательной политики в сфере трудовых правоотношений и актуализированным неудачным началом войны.

Однако за первые полгода войны начинает существенно меняться численность и социальный состав тружеников тыла: в условиях острого дефицита кадров повышается удельный вес низкоквалифицированной рабочей силы в лице выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ, мобилизованных из сельской местности колхозников, трудармейцев и заключенных. Эти изменения происходили в условиях перехода экономики на «военные рельсы», который сопровождался нарушением хозяйственных связей между предприятиями и срывом поставок сырья, простым производством и невыполнением увеличивающихся оборонных заданий, значительным снижением уровня жизни трудящихся. Это стало социально-экономической предпосылкой достаточно критического уровня негативных трудовых девиаций, который ставил под сомнение выполнение предприятиями военной промышленности оборонных заказов. В свою очередь, данное обстоятельство предопределило значительное ужесточение уголовного наказания за самовольное оставление места работы.

© ПНИПУ

© **Белоногов Юрий Геннадьевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

© **Yury Gennadievich Belonogov** – Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9558-4357>, e-mail: ugb78@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

IMPLEMENTATION OF THE SUPREME SOVIET PRESIDUM DECREE OF JUNE 26, 1940 IN JULY – DECEMBER 1941 (ON THE MATERIALS OF PERM REGION)

Yu.G. Belonogov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 01 April 2020
Accepted: 03 September 2020
Published: 16 December 2020

Keywords:

labor discipline, labor desertion,
labor fluidity, Perm Krai,
"bad work", Decree of June 26, 1940;
Decree of December 26, 1941; labor
desertion.

ABSTRACT

It is considered the law enforcement practice of implementing the Decree of 26 June 1940 before the adoption of the Decree of 26 December 1941, which increased the criminal penalty for desertion from the labour front. On the basis of statistics on the number of convicted and excluded from the party for violations of labour discipline the author points out the refusal of the party-State authorities to continue the unsystematic punitive policy. This refusal was manifested in the purposeful division of violators of labour discipline into "malicious" and "accidental," in the rules on prevention of illegal cases of criminal prosecution, in some reduction of the number of persons brought to criminal and party disciplinary responsibility, in the general easing and revision of severe penalties. This was due to the high level of social tension caused by the previous course of strengthening punitive policy in the field of labour legal relations and the updated failed outbreak of war.

However, during the first six months of the war the number and social composition of rear workers begins to change significantly: in conditions of acute shortage of personnel, the share of low-skilled labor force in the person of graduates of schools of factory training and craft schools mobilized from rural areas by collective farmers, labor workers and prisoners increases. These changes took place in the context of the restructuring of the economy into "military tracks," which was accompanied by the disruption of economic ties between enterprises and the disruption of the supply of raw materials, the downtime of production and the failure to carry out increasing defense tasks, and a significant decrease in the standard of living of workers. This became a socio-economic prerequisite for a rather critical level of negative labour deviations which called into question the performance of defense orders by military industry enterprises. In turn, this circumstance has led to a significant increase in criminal penalties for unauthorized abandonment of the place of work.

© PNRPU

Накануне Великой Отечественной войны в целях значительного снижения текучести рабочей силы на промышленных предприятиях и стройках был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, который вводил уголовную ответственность за прогулы, самовольную смену места работы, «покровительство» прогульщикам [1]. Автор данной статьи ставит целью проанализировать применение данного Указа в первые полгода Великой Отечественной войны, когда на исходе декабря 1941 года в дополнение к существующему трудовому законодательству был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Это позволяет лучше понять связь между социально-экономическими процессами в тыловых регионах страны и ужесточением трудового законодательства в конце 1941 года. Территориальные границы исследования ограничены Молотовской областью (в 1940–1957 годах – это название Пермской области, а сейчас – часть Пермского края) как индустриально развитым регионом Западного Урала в период войны.

В развитие темы автор анализирует динамику карательной политики по реализации Указа в 1940–1941 годах, выявляет возможные причины изменений, определяет новации в правоприменительной практике в условиях начала войны, изучает специфику партийно-дисциплинарной ответственности по отношению к коммунистам – нарушителям трудовой дисциплины.

Концептуальной основой исследования стали широко используемые в современной научной литературе теоретические положения Чарлза и Криса Тилли о принуждении (coercion) как одной из трех групп мотивов к труду. Для данного исследования важен следующий тезис:

«Там, где нет достаточного материального вознаграждения, а производство и производительность труда нужно поддерживать на каком-то уровне, большую роль будет играть побуждение и принуждение» [2, с. 200]. Принуждение к труду выразилось в введении и последующем ужесточении уголовной ответственности за ряд трудовых правонарушений. Помимо нормативно-правовых источников в данном исследовании задействована делопроизводственная документация Пермского государственного архива социально-политической истории.

Сравнительная динамика карательной политики в сфере трудовых отношений

Согласно исследованию П. Соломона, в довоенный период практическая реализация Указа от 26 июня 1940 года прошла три этапа. Первый этап (месяц после обнародования) был отмечен проведением будничной кампании. Ее неудовлетворительные результаты заставили верховную власть значительно усилить свою бюрократическую активность в сфере наказаний за нарушения трудовой дисциплины. Именно со вторым этапом (август – сентябрь 1940 года) связан пик карательной политики (наибольшее количество привлеченных к уголовной ответственности, максимально высокая планка наказаний). Третий этап реализации Указа от 26 июня 1940 года был связан с преодолением «перегибов» и обеспечением повседневного исполнения данного закона (см. более подробно: [3, гл. 9]. К началу Великой Отечественной войны уже наблюдался очевидный спад кампании по применению Указа от 26 июня 1940 года. В отчетах для партийных комитетов констатируется факт сворачивания мероприятий кампании: «До настоящего времени не создается общественного мнения вокруг прогульщиков и дезорганизаторов производства. Имеются случаи, когда нарушители Указа не обсуждаются на участковых и цеховых собраниях» [4, д. 58, л. 136].

По данным В.Н.Земскова, за первые полгода реализации Указа от 26 июня 1940 года в целом по СССР было осуждено более 2 миллионов человек за прогулы и самовольный переход с одного на другое место работы [5, с. 47], [6]. За весь 1941 год (в сравнении только со вторым полугодием 1940 года) количество случаев осуждения за те же разновидности трудовых преступлений снизилось на 15,4 %. По другим данным, представленным в табл. 1, если принять показатели 1941 года за 100 %, то на второе полугодие 1941 года (т.е. первые полгода войны) приходится только 40,8 % [6].

Данная динамика однозначно свидетельствует об уменьшении прежней активности кампании по укреплению трудовой дисциплины. Однако при интерпретации показателей второго полугодия 1941 года необходимо учитывать факт потери значительной части европейской территории СССР. Согласно данным, которые ввел в оборот еще Н.А. Вознесенский, к концу ноября 1941 года на временно оккупированной территории СССР проживало 40 % трудоспособного населения [7, с. 316]. Одновременно следует обратить внимание и на примерно одинаковый удельный вес осужденных нарушителей от общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве: в 1940 году этот показатель составлял 6,7 %, в 1941 году – 6,5 % [8, с. 311, 316].

Каким образом начало войны повлияло на динамику трудовых преступлений? С одной стороны, на волне патриотического подъема в июне – июле 1941 года у советского руководства была надежда, что прогулы пройдут сами по себе [9, с. 126]. Еще в августе 1941 года местные парткомы проводили совещания помощников директоров по кадрам и начальников отделов кадров с обнадеживающими формулировками: например, «Об окончательном изжитии нарушений трудовой дисциплины по предприятиям Кировского района г. Перми» [10, д. 219, л. 17–18].

Таблица 1

Количество случаев осуждения за трудовые преступления
по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года

Год	Осуждено за самовольный уход	Осуждено за прогул и опоздания	Итого
26.06–31.12.1940	321 648	1 769 790	2 091 438
01.01–31.12.1941	310 967	1 458 185	1 769 152
01.01–30.06.1941	–	–	1 030 946
01.07–31.12.1941	–	–	722 636

Примечание. Подсчитано по: [5, с. 47], [6].

Однако на значительном числе предприятий во многих тыловых регионах во втором полугодии 1941 года исследователи фиксируют значительное увеличение числа нарушений трудовой дисциплины [9, с. 128], [11, с. 30], [12, с. 122], [13, с. 176], [14, с. 72–73]. Причем в Ивановской области протестное движение против усиления эксплуатации и снижения уровня жизни рабочих осенью 1941 года приобрело форму волнений и забастовок [15].

Архивные материалы по Молотовской области свидетельствуют о том, что проблема нарушений трудовой дисциплины во втором полугодии 1941 года стала даже более актуальной, чем в довоенный период: в июле насчитывалось 6767 судебных дел, в августе – 5461, а уже в первой половине сентября по ряду крупнейших предприятий отмечалось резкое увеличение нарушений Указа, связанных с невыходом на работу и самовольным уходом с работы. Критический уровень нарушений трудовой дисциплины на предприятиях Молотовской области даже стал предметом разбирательства комиссии из представителей НКЮ СССР и НКЮ РСФСР.

Уже поздней осенью бюро местных парткомов Молотовской области рассматривало типовые вопросы «О состоянии трудовой дисциплины на предприятиях района» с констатацией факта увеличения количества прогулов и самовольных уходов [16, д. 224, л. 40–41]. Наиболее серьезно ситуация с нарушениями трудовой дисциплины выглядела на оборонных предприятиях с вредным производством и стройках с высоким уровнем ручного труда и неудовлетворительными условиями труда и жилищно-бытовым обеспечением. Примечательна динамика нарушений трудовой дисциплины на пороховом заводе им. Кирова (завод № 98) за 1941 год (г. Молотов). Если за первое полугодие показатели нарушений трудовой дисциплины были примерно одинаковы (около полутора десятка в месяц), то во втором полугодии показатели резко увеличиваются, доходя до 82 в декабре [10, д. 219, л. 32, 37, 46, 47].

Как свидетельствуют архивные материалы, в течение второго полугодия 1941 года территориальные партийные комитеты Молотовской области продолжали требовать от расположенных на данной территории предприятий ежемесячные отчеты о нарушениях трудовой дисциплины по определенной форме с указанием разновидностей трудовых преступлений (прогул, самовольный уход, отказ от работы, опоздание на работу, сон на работе, появление в пьяном виде), количеством дел, переданных в суды, приговорами судов (см., например: [17, д. 97, л. 3]). В течение второго полугодия местные парткомы проводили совещания с директорами предприятий, начальниками отделов кадров, секретарями парторганизаций, предфабзавками, работниками суда и прокуратуры борьбы о проблеме укрепления трудовой дисциплины. Работники отдела кадров парткомов осуществляли проверки непосредственно на предприятиях, имевших большое количество нарушений трудовой дисциплины, и оказывали отделам кадров практическую помощь.

Случаи массового самовольного ухода становились предметом разбирательства государственных и партийных органов власти. Так, начальник Управления НКЮ РСФСР по Молотовской области Осипова заинтересовалась фактом того, что 15 сентября 1941 года от Управления капитального строительства (далее УКС) 11-го отдела завода №172 поступило 95 дел на рабочих, которые самовольно оставили работу и уехали домой. 11 сентября из цеха № 55 того же предприятия поступило 13 таких дел. В ее личной беседе с народным судьей выяснилось, что завод готовит еще 200 дел на самовольно покинувших производство. В справке для Молотовского обкома ВКП(б) от 16 сентября 1941 года она очень пессимистично оценивала возможности возврата дезертиров и их массового привлечения к уголовной ответственности: «Одним судом этого вопроса не разрешить, даже если суд рассмотрит все дела заочно, реальных результатов не получим, так как милиция не в состоянии обеспечить такого массового розыска. А, главное, **политически будет неправильно массовое привлечение за самовольный уход**» (выделено автором – Ю.Б.) [4, д. 69, л. 178–179]. Из обкома данное письмо было отправлено в Молотовский городской комитет ВКП(б) с требованием разобраться в данной ситуации. Секретарь горкома Кулик отчитывался о том, что на 1 октября 1941 года из указанных подразделений завода ушло 116 человек, в основном из числа завербованных в Татарской АССР и бывших учеников ремесленных училищ из Удмуртии. Основные причины самовольного ухода виделись в недостаточной заботе руководителей УКС о питании в условиях введения карточной системы на хлеб, жилищно-бытовых условиях рабочих (работники жили в бараках далеко от места работы, а руководство отказалось компенсировать проезд от барakov до места работы и обратно). Из-за недостатка исходного материала бывших учеников училищ нередко переводили на работу землекопами, а это вело к снижению заработка и, следовательно, к их законному недовольству. Примечательны дифференцированные меры воздействия: на самовольно ушедших взрослых работников были составлены дела в суд для привлечения их к уголовной ответственности, предварительно письмами им было предложено вернуться на работу; уехавшим же подросткам из училищ были написаны письма с требованием вернуться под угрозой привлечения их к суду. Одновременно были улучшены условия труда: УКС завода стало строить отдельную столовую для своих рабочих, одна часть мобилизованных рабочих была переселена в бараки намного ближе к предприятию, другой (не переселенной) части рабочих стали компенсировать проезд от барakov до завода и обратно [4, д. 69, л. 181-182].

Социально-экономические причины увеличения негативных трудовых девиаций

С началом Великой Отечественной войны проблема негативных трудовых девиаций продолжала оставаться очень актуальной. В.А.Сомов связывает резкий рост числа прогулов и опозданий с 23 июня по 1 июля 1941 года с проводами мобилизованных работников в армию, повышенным спросом и как следствие очередями за товарами первой необходимости [9, с. 125]. Однако у нарушений трудовой дисциплины на протяжении более длительного периода были более глубинные, социально-экономические основания. Автор придерживается уже используемой в научной литературе точки зрения о том, что негативные трудовые девиации являются издержками перевода экономики на военные нужды (см., например: [15, с. 42]).

Действительно, период второй половины 1941 года – первой половины 1942 года для советской экономики связан с эвакуацией (вместе с персоналом) предприятий и мерами по налаживанию деятельности промышленных предприятий [18, с. 87]. Эвакуация неизбежно на-

рушила уже имевшиеся хозяйственные связи между предприятиями, функционировавшими по принципу кооперации поставок. Как результат – увеличивающиеся плановые задания выпуска определенной продукции для многих предприятий оказывались под угрозой срыва из-за недопоставок исходного сырья и вынужденного простоя, что не могло не повлиять на заработки работников. Типичный пример такой ситуации описан в докладной записке первому секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Н.И. Гусарову от секретаря обкома по металлургической промышленности К.М. Хмелевского о работе металлургической промышленности области в период войны (не ранее 1 декабря 1941 года). Так, говоря о причинах хронического невыполнения плана по мартеновскому цеху Чусовского металлургического завода, автор записки отмечает: «Цех представляет собой какой-то сумасшедший дом, где все друг друга ругают и никто никого не слушает. Технологический процесс запутан, ежедневно происходят по несколько крупных и десятки мелких аварий. ...Простои мартеновских печей достигают огромных размеров. ...Механизмы доведены до развала, так как никто не следит за планово-предупредительным ремонтом... Количество только учтенных нарушений труддисциплины во втором полугодии увеличилось в 2,5 раза по сравнению с первым полугодием. Невыполнение распоряжений и приказов стало обычным явлением. Плохая работа цеха объясняется и тем, что затянулся долго организационный период, медленно проходит освоение операций, 90 % работающих не выполняют нормы». На примере цеха № 2 Лысьвенского металлургического завода показана взаимосвязь перестройки экономики на военный лад и эффекта «плохого труда»: «План производства взрывателей за 4 месяца выполнен на 32,7 %, брак по детали № 1 за последние 2 месяца составляет 23 % вместо плановых 6,5 %, исправление деталей достигает 60 % времени. Далеко по неполным сведениям, простои оборудования в цеху составляют 20–22 % рабочего времени. Трудовая дисциплина на низком уровне: если в первом полугодии среднемесячное число нарушений составляло 4 случая, то во втором – 26, увеличилось число прогулов. Огромное число работающих не выполняет норм выработки, среднемесячная выработка на одного рабочего составляет 45% плана» [4, л. 368, л. 45, 49, 51].

Увеличение плановых заданий для оборонных предприятий требовало расширения их производственных площадей, в том числе и для размещения оборудования эвакуированных предприятий и ввода его в эксплуатацию. Для строительства новых корпусов требовалось больше рабочей силы. Для понимания кадровой проблемы оборонного предприятия в начале войны интерес представляет официальное обращение директора завода им. Дзержинского Лукьянова наркому Народного комиссариата боеприпасов СССР Горемыкину от 18 августа 1941 года, в котором констатируется, что для выполнения намеченной программы по строительству промышленных объектов завода во втором полугодии 1941 года требуется 6400 рабочих. Фактически же на строительстве работало только 2600 человек, структура и ведомственная принадлежность которых весьма характерна для начала войны: вольнонаемных – 500 человек, стройбатальон – 800 человек, исправительно-трудовая колония – 1300. По предварительным подсчетам директора завода, для выполнения программы не хватало 3800 человек. Зная о невозможности полностью обеспечить строительство кадрами, директор ходатайствовал (естественно, помимо необходимых стройматериалов) лишь о выделении дополнительно двух стройбатальонов (видимо, как наиболее квалифицированной рабочей силы по сравнению с домохозяйками и заключенными) [4, д. 64, л. 98].

Однако численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась за 1940–1942 годы на 41 %: с 31,2 млн человек в 1940 году до 26,2 млн в 1941 году и 18,4 млн в 1942 году; в сфере промышленности за тот же период снижение выглядело не таким катаст-

рофическим (всего на 34,5 %): с 11 млн до 7,2 млн человек [19, с. 185]. И это при том, что в промышленность, строительство и на транспорт, в систему государственных трудовых резервов, в стройбатальоны и рабочие колонны, на сезонные работы за тот же период было мобилизовано более 5 млн человек: в 1940 году – 602 тыс. человек, в 1941 году – 1536,8 тыс., в 1942 году – 3010,1 тыс. [20, с. 282]. Уменьшение численности работников в промышленности и строительстве за счет призыва кадровых рабочих в действующие Вооруженные силы СССР предполагалось восполнить за счет ряда маргинальных категорий рабочих.

Во втором полугодии 1941 года основной частью привлеченных работников стали военнослужащие стройбатальонов и «трудармейцы» – военнообязанные (но не годные к строевой службе) в составе рабочих колонн (728 тыс. человек из 1288,3 тыс.). В «трудармейцы» в основном включались мобилизованные в рабочие колонны советские немцы, население Среднеазиатского военного округа, трудпоселенцы и спецпоселенцы. Данные категории работников, как правило, задействовались на вспомогательных (неквалифицированных) и физически тяжелых строительных работах [21, с. 137]: на лесозаготовках, в шахтах и карьерах, лесной и деревообрабатывающей промышленности, строительстве и подсобном хозяйстве, на сельскохозяйственных работах. По мнению Г.А. Гончарова, «отношение властей к трудармейцам как к неполноправным гражданам СССР в немалой степени обусловило их дезертирство с трудового фронта. На Урале это явление получило распространение с первых месяцев войны» [22, с. 116]. Такое отношение проявлялось в дискриминационной социальной политике – особом режиме содержания, принудительной организации труда, отсутствии должного медицинского обслуживания, более низких нормах питания и т.д.

Второй по численности группой стали выпускники системы государственных трудовых резервов, которые после окончания школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ прикреплялись на 4 года к определенному предприятию. За второе полугодие 1941 года таковых насчитывалось 439,5 тыс. человек из 1288,3 тыс. Необходимо отметить, что вчерашние учащиеся традиционно относились к низкоквалифицированной (и поэтому малооплачиваемой) рабочей силе, не имели опыта работы по специальности. Проблемы материально-технического снабжения строек, очевидные недостатки продуктового и жилищно-бытового обеспечения таких работников приводили к росту негативных трудовых девиаций.

Наиболее резонансный в Молотовской области случай с массовым самовольным уходом с работы бывших учащихся произошел на третьем строительном участке вторых путей Вережагинского района Молотовской области, где за период с 5 июля по 15 августа самовольно оставили работу и возвратились на родину 191 человек. Причины дезертирства были стандартными для начального периода войны: в основном учащиеся работали не по полученной специальности (вместо работы в качестве помощников машинистов, слесарей, машинистов и дежурных по станции несовершеннолетние работники занимались тяжелым физическим и низкооплачиваемым трудом землекопов и укладчиков путей) и, соответственно, теряли возможность заработать (при этом и сама зарплата задерживалась вследствие массовых переделок работ). С наступлением осенних холодов и из-за отсутствия у подростков теплой одежды и обуви бегство возобновилось. Руководство стройки направило в 40 районов Молотовской области и Удмуртской АССР своих представителей с просьбой к местным органам власти оказать помощь в возвращении ушедших подростков. Однако районные руководители в условиях дефицита кадров в сельской местности встали на защиту дезертировавших работников: «Председатели колхозов везде допускают их до работы. Об этом знают председатели райисполкомов и с такими настроениями мирятся». Особые претензии у представителей строитель-

ства были и к местным судам: «Мы давали указания, чтобы наши представители в нарсудах ставили вопрос о записи в приговор определения о возврате подростков при отбытии наказания на строительство, имея в виду их мобилизацию на 4 года. Это имело бы определенное воспитательное и агитационное воздействие на неустойчивых ребят. Но Нытвенский и Кировский народные суды отказывали в этом ходатайстве... Неплохо бы наиболее злостных бегунов примерно наказать, это имело бы большое влияние и молодежь поняла бы, что дезорганизаторские поступки в военное время не могут оставаться безнаказанными также и по отношению к подросткам». Недовольство вызывали сроки наказания: «злостных беглецов» осуждали по Указу от 26 июня 1940 года как на самовольно ушедших с производства и приговаривали к тюремному наказанию в 2–4 месяца. У некоторых подростков такое наказание провоцировало трудовое дезертирство: «Георгий Рысов как злостный прогульщик был приговорен Нытвенским нарсудом к тюремному заключению на 4 месяца. Рысов на этот приговор реагировал так: “Чем 4 года работать на этой работе, я лучше отсижу 4 месяца, а потом куда мне нужно, туда и поступлю работать”» [4, д. 382, л. 4-4об., 8-12, 18–19]. Руководители стройки неоднократно просили региональный партком и областной исполком Советов депутатов трудящихся воздействовать на районное руководство. В конечном итоге 26 сентября 1941 года за подписью секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по транспорту В.П. Михайлина было разослано письмо секретарям 18 районных комитетов ВКП(б) Молотовской области с требованием «принять и обеспечить возвращение к месту работы самовольно выехавших в район. О выполнении доложить» [4, д. 385, л. 5]. Данный пример интересен не только разнородностью интересов работников и администрации стройки, регионального парткома и сельских органов власти. Он показывал несовершенство Указа от 26 июня 1940 года и необходимость значительного ужесточения сроков наказания за самовольное оставление места работы.

Третьей группой стали работники, завербованные на строительные работы по индивидуальным договорам из колхозов Молотовской области и близлежащих регионов. Именно эта категория работников оказалась наиболее подвержена «клеветническим слухам» о том, что «Указ в военное время не применяется». В справке (датируется 23 сентября 1941 года) на имя секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Н.И. Гусарова от представителей упомянутой выше комиссии представителей НКЮ СССР и НКЮ РСФСР приводились примеры Чусовского металлургического завода и Севуралтяжстроя, где из-за таких слухов имели место массовые уходы и прогулы завербованных рабочих по 20–30 человек в день. Для ликвидации дезертирства представители органов юстиции предлагали обязать органы прокуратуры возбуждать уголовное преследование лиц, распространяющих слухи, а также подстрекателей и злостных дезорганизаторов производства. Одновременно региональному парткому предлагалось обязать директоров литерных строек персонально и под расписку предупредить завербованных по договорам работников об ответственности по Указу от 26.6.1940 в случае самовольного ухода с производства [4, д. 69, л. 165–174].

Четвертой группой стали заключенные из пенитенциарной системы, прикрепляемые к предприятиям на строительные работы. Архивные материалы ПермГАСПИ содержат много прошений о временном использовании данного спецконтингента. Так, уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Молотовской области Киселев предлагал секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Гусарову для ускорения строительства объектов химической промышленности в г. Березники довести количество рабочих различных строительно-монтажных специальностей до 5 тыс. человек минимум. В счет этого количества он просил передать из стройтреста №29 Уралхимспецстрою 200 прибывших выпускников школ ФЗО

и 500 человек заключенных. Остальное количество строительных рабочих предлагалось пополнить за счет увеличения численности заключенных из близлежащих исправительно-трудовых колоний до 3 тысяч человек. Только в крайнем случае предлагалось ходатайствовать перед правительством о выделении Уралхимспецстрою двух строительных батальонов [4, д. 64, л. 112–113]. Примечательно, что крайне потребительское отношение к заключенным (неудовлетворительное питание, нечеловеческие жилищно-бытовые условия), их сверхэксплуатация на оборонных предприятиях стали поводом для жалоб (вплоть до предъявления ультиматумов) начальников лагерей и даже руководства региональных Управлений НКВД на директоров ряда предприятий [9, с. 106].

Таким образом, именно представители указанных четырех социальных групп, судя по отчетам с мест, в наибольшей степени были склонны к самовольному оставлению места работы.

Новые установки для правоприменительной практики реализации Указа

В этих сложных условиях начинает четко просматриваться политика регионального и местных парткомов по разделению нарушителей трудовой дисциплины на «настоящих» и «случайных». Такой дифференцированный подход был остро необходим в ситуации, когда в результате первого года реализации Указа от 26 июня 1940 года количество осужденных за трудовые преступления достигло критической отметки. Так, на нефтепромыслах г. Краснокамска с момента выпуска Указа от 26 июня 1940 года были осуждены за прогулы 23 % работников от среднесписочного состава персонала конторы эксплуатации (по строительно-монтажной конторе данный показатель составлял 29 %) [4, д. 58, л. 136]. Еще в довоенный период карательная политика в сфере трудовых правоотношений снижала легитимность власти в глазах населения (см. подробнее: [23, с. 113]). В условиях военных неудач на фронте, на фоне резкого ухудшения продовольственного снабжения при большом росте рыночных цен на продукты питания, плохой работы объектов социальной инфраструктуры, заметного снижения реальной заработной платы, задержек в ее выплате появились высказывания антисоветского и антикоммунистического характера в адрес партийного и военного руководства, активизировались так называемые «пораженческие настроения» (более подробно этот сюжет на примере Ивановской области разобран в работе [24]). Поэтому продолжение прежней практики суровых наказаний за нарушение трудовой дисциплины, видимо, казалось политически нецелесообразным.

В чем заключался дифференцированный подход к оценке нарушений трудовой дисциплины? С одной стороны, парткомы требовали от хозяйственных руководителей и работников органов юстиции усилить карательные меры по отношению к действительным нарушителям трудовой дисциплины, поскольку подобные трудовые девиации рассматривались в русле дезорганизации тыла Красной армии в период Великой Отечественной войны. Так, численное увеличение нарушений трудовой дисциплины в сентябре 1941 года по Краснокамским предприятиям вынудило местный горком партии поставить вопрос на совещании, на котором секретарь по кадрам горкома Лях дал оценку негативным трудовым девиациям: «Мы не можем терпеть прогулы и нарушения трудовой дисциплины в момент Великой Отечественной войны. Прогульщики являются дезорганизаторами тыла, подрывающими экономическую и оборонную мощь нашей страны. Только так можно и нужно ставить [вопрос] в разъяснительной работе, в каждом прогуле должен находиться политический смысл» [16, д. 229, л. 38об.]. Секретари парт-

организаций и директорат предприятий обязывались осуществлять «повседневный контроль за состоянием трудовой дисциплины, пресекать проявления расхлябанности дисциплины», незамедлительно передавать дела в суд на действительных нарушителей [16, д. 224, л. 40–41].

С другой стороны, парткомы ориентировали органы юстиции, и прежде всего хозяйственных руководителей, на тщательный анализ причин каждого случая прогулов, не допуская огульного и необоснованного привлечения трудящихся к судебной ответственности, на создание нормальных бытовых условий для рабочих, «проявлять заботу о живом человеке». Недопущение огульного привлечения предполагало появление (или расширение) перечня работников, которых было политически нецелесообразно и недопустимо привлекать к уголовной ответственности. На совещаниях в местных парткомах, посвященных проблемам негативных трудовых девиаций, приводились примеры «перестраховок», когда добросовестных работников (перевыполнявших план, работавших по 10–11 часов в смену, подписывавшихся на заем, учившихся в свободное время военному делу, не имевших дисциплинарных проступков), которые совершили разовые нарушения трудовой дисциплины, руководство предприятий отдавало под суд, а судьи выносили суровые приговоры [10, д. 219, л. 17–18]. Фактически это свидетельствовало об отказе в целях снижения социальной напряженности от кампании по полноценному применению Указа от 26 июня 1940 года ко всем нарушителям трудовой дисциплины.

О некотором смягчении карательной политики свидетельствуют факты ограничения хозяйственных руководителей в возможностях дисциплинарного и административного произвола по отношению к нарушителям трудовой дисциплины.

Партийно-дисциплинарная ответственность коммунистов за нарушения Указа от 26 июня 1940 года: новые тенденции

О нежелании обострять уже накаленную обстановку в тыловом регионе в период военных неудач Вооруженных сил СССР свидетельствует динамика случаев исключения из рядов партии. Данный сюжет является важным для понимания отношения власти к своей самой главной политической опоре – членам и кандидатам в члены коммунистической партии.

Как свидетельствует табл. 2, количество рассмотренных обкомом таких дел сократилось во второй половине 1941 года в 2,6 раза (в сравнении с первым полугодием), а удельный вес полной отмены решений нижестоящих парткомов и замены исключения из партии более мягким партвзысканием – заметно увеличился. Как результат, на 10 % снизился удельный вес подтвержденных решений нижестоящих парткомов.

Об изменении политики по отношению к коммунистам – нарушителям трудовой дисциплины можно судить по табл. 3. Так, на протяжении 1939–1941 годов отмечается последовательное увеличение числа исключенных из партии (298 человек в 1939 году, 1147 – в 1940 году и 1267 – в 1941 году), но при этом количество исключенных из партии за второе полугодие 1941 года в три раза меньше показателя первого полугодия этого же года. После принятия Указа от 26 июня 1940 года удельный вес исключенных по причине нарушений трудовой дисциплины традиционно был самый высокий по сравнению с другими причинами (31–35 % за 1940-й – первое полугодие 1941 года), хотя и имел тенденцию к снижению после массовой кампании августа – сентября 1940 года. Однако за второе полугодие 1941 года количество исключенных из рядов партии за нарушения трудовой дисциплины (в большинстве случаев этому наказанию подвергались коммунисты, уже осужденные по Указу от 26 июня 1940 года) в абсолютных данных сократилось более чем в 5,5 раз в сравнении с довоенным полугодием (при этом удельный вес данной причины сократился почти в два раза – с 30,83 до 17,18 %). Данную

динамику можно объяснить как повышением политической сознательности коммунистов в начальный период войны, так и очевидным отказом партийных органов от прежних кампанейских принципов в борьбе с негативными трудовыми девиациями среди членов партии. На смену былой принципиальности в решении вопросов о партийности нарушителей трудовой дисциплины приходил политический прагматизм: дальнейшее механическое применение самых жестких партвзысканий могло существенно снизить легитимность правящей партии, а в условиях серьезных военных неудач на фронте это могло обернуться и крахом политического режима.

Таблица 2

Применение Молотовским обкомом ВКП(б) практики исключений коммунистов из партии как меры партийного наказания за 1941 год

Результаты рассмотрения обкомом решений нижестоящих парткомов об исключении из партии	Первое полугодие 1941 г.		Второе полугодие 1941 г.	
	Количество, человек	Удельный вес, %	Количество, человек	Удельный вес, %
Всего рассмотрено решений	1141	100	439	100
Отменено решений горкомов и райкомов ВКП(б)	69	6,05	35	7,97
Исключение заменено партвзысканием	125	10,96	84	19,13
Подтверждено решений нижестоящих парткомов	947	82,99	320	72,89

Примечание. Подсчитано по: [4, д. 289а, л. 56, 69–71, 73].

Таблица 3

Количественная и качественная динамика основных причин исключения коммунистов из рядов партии Молотовским обкомом ВКП(б) за 1939–1941 гг.

Основные причины исключения из партии	1939		1940		1.01–30.06.1941		1.07–31.12.1941	
	Число человек	Удельный вес, %	Число человек	Удельный вес, %	Число человек	Удельный вес, %	Число человек	Удельный вес, %
Всего исключено	298	100	1147	100	947	100	320	100
Нарушения государственной и трудовой дисциплины	25	8,39	405	35,31	292	30,83	55	17,18
Нарушения партдисциплины	16	5,37	109	9,5	64	6,76	21	6,56
Не оправдавшие звание коммуниста	35	11,74	169	14,73	220	23,23	36	11,25
Утеря партдокумента	36	12,08	55	4,8	81	8,55	26	8,13
Пьянство и хулиганство	58	19,46	89	7,76	56	5,91	29	9,06
Расхищение социалистической собственности и государственных средств	14	4,7	65	5,67	54	5,7	46	14,38
Преступление и злоупотребление по службе			52	4,53	43	4,54	33	10,31

Примечание. Подсчитано по: [4, д. 289а, л. 56, 69–71, 73].

В пользу точки зрения о наметившихся изменениях свидетельствует тот факт, что вышестоящие парткомы более последовательно отменяют наиболее одиозные случаи исключения из партии за нарушения трудовой дисциплины. Так, в августе 1941 года Краснокамский горком ВКП(б) отменил решение первичной парторганизации об исключении коммунистки из партии за прогул, за который по приговору суда она получила четыре месяца исправительно-трудовых работ с вычетом 25 %, а по хозяйственной линии была снята с занимаемой должности и переведена на рядовую работу. Горком, в отличие от суда и руководства предприятия, в качестве смягчающих обстоятельств принял во внимание небольшой стаж работы коммунистки, отсутствие у нее опыта посменной работы, объяснения о неточно составленном графика как причине непреднамеренного прогула. На этом основании решение первичной парторганизации было отменено как необоснованное [16, д. 223, л. 98]. В целом парткомы уже не проявляют былой последовательности в исключении из партии за доказанные по суду случаи нарушений трудовой дисциплины. За прогулы (в том числе и опоздания на работу свыше 20 минут) следует объявление выговора с занесением в учетную карточку (см. примеры: [16, д. 224, л. 97, д. 278, л. 15]).

Помимо того, что региональный и местные парткомы начинают более осторожно подходить к партийным взысканиям за нарушения трудовой дисциплины, появляются дополнительные сигналы о смягчении предшествующего курса. Так, снятие судимости за нарушения Указа от 26 июня 1940 года больше не является препятствием для приема в ряды партии. Местные парткомы весьма охотно снимают выговоры, наложенные в довоенный период (вторая половина 1940-го – первая половина 1941 года) за нарушения трудовой дисциплины (даже если не вышел уставной срок для снятия взыскания), особенно это касается работников, призванных в действующую армию [16, д. 279, л. 37–38, 81–82].

Заключение

Проблема негативных трудовых девиаций (в частности, самовольное оставление места работы) в первые полгода войны продолжала оставаться актуальной. Это было ответной социальной реакцией как на проходивший в начале Великой Отечественной войны переход работы предприятий на выпуск военной продукции, так и в более широком плане – на общее снижение уровня жизни, вызванное войной.

Расширение производственных мощностей (в том числе и для ввода эвакуированных на Восток предприятий) требовало увеличения строительных работ. В условиях призыва в действующую армию значительного количества квалифицированных работников указанная задача решалась за счет привлечения на производство весьма маргинальной рабочей силы. Архивные материалы по Пермскому краю подтверждают тезис о формировании четырех основных «групп риска» работников, склонных к самовольному оставлению места работы. Именно выпускники школ ФЗО и ремесленных училищ, завербованные по договорам колхозники, мобилизованные рабочие строительных колонн и переведенные на строительные объекты заключенные из пенитенциарной системы оказались в наиболее худших материальных условиях труда и бытовой жизни.

Региональные и местные партийные органы, органы юстиции и правосудия в условиях неудачного начала войны не хотели эскалации социальной напряженности, вызванной реализацией репрессивной кампании по применению Указа от 26 июня 1940 года. Это предопределило достаточно дифференцированный подход к нарушителям трудовой дисциплины. Особенно это стало заметно в отношении самой главной социальной базы существующего политического режима – членов и кандидатов в члены партии.

Тем не менее даже дифференцированный подход не смог кардинально улучшить ситуацию: за осень – начало зимы 1941 года количество случаев самовольного оставления места работы оставалось высоким, что ставило под сомнение выполнение предприятиями оборонного значения напряженных планов. Видимо, это обстоятельство главным образом предопределило ужесточение трудового законодательства Указом от 26 декабря 1941 года: по данному закону за трудовое дезертирство полагалось лишение свободы на срок 5–8 лет.

Список литературы

1. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г.. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2019).
2. Лукасен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. 2000. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 194–205.
3. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2008. – 464 с.
4. Фонд Пермского областного комитета КПСС // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 7.
5. Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... (еще одна круглая дата) // Радуга. – 1990. – № 6. – С. 43–49.
6. «Осуждено за прогулы 40,7 % рабочих». Как в СССР укрепляли трудовую дисциплину [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1353083> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Шмыров Б.Д. Трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа на объектах строительства и промышленности Челябинска в 1942–1945 годы // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции (Челябинск, 7 ноября 2014 г.) / Челяб. гос. краевед. музей. – Челябинск, 2014. – С. 316–324.
8. Романов Р.Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы Второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 303–329.
9. Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): моногр. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2001. – 154 с.
10. Фонд Кировского районного комитета КПСС // ПермГАСПИ. Ф. 1996. Оп. 1.
11. Печерский А.В. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 25–34.
12. Подрепный Е.И. Кадровые проблемы новых заводов авиационной промышленности СССР накануне и в первый период Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 117–123.
13. Кабирова А.Ш. Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 3. – С. 169–180.

14. Кодинцев А.Я. Осуществление правовой политики Советского государства органами юстиции при проведении компании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // *Право и политика*. – 2008. – № 5. – С. 72–79.
15. Точенов С.В. Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // *Отечественная история*. – 2004. – №3. – С. 42–47.
16. Фонд Краснокамского городского комитета КПСС // ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1.
17. Фонд Свердловского районного комитета КПСС // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1.
18. Сизов С.Г. Мобилизационная экономика и проблема реэвакуации: массовое бегство и волнения эвакуированных рабочих в Сибири и на Урале в первые послевоенные годы (1945–1946) // *Magistra Vitae: электрон. журн. по ист. наукам и археологии*. – 2016. – № 1. – С. 87–94.
19. Поляков А.И. Решение кадровых проблем в тыловом регионе в годы Великой Отечественной войны (на примере Горьковской области) // *Власть*. – 2016. – № 9. – С. 185–190.
20. Романов Р.Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // *Историко-экономические исследования*. – 2015. – Т. 16, № 2. – С. 271–296.
21. Палецких Н.П. Население Урала в условиях Великой Отечественной войны: проблемы социальной мобильности // *Урал. ист. вестник*. – 2018. – № 4 (61). – С. 135–141.
22. Гончаров Г.А. Люди «второго сорта» в условиях военного времени: из повседневной жизни «трудармейцев» Урала в годы Великой Отечественной войны // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: История России*. – 2003. – № 2. – С. 116–126.
23. Белоногов Ю.Г. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 года в Молотовской области в довоенный период (на основе материалов Пермского государственного архива новейшей истории) // *Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н.А. Антипин*. – Челябинск, 2019. – С. 110–114.
24. Точёнов С. В. Настроения населения Ивановской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь – август 1941 года) // *Вестн. Иван. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. – 2008. – № 4 (8). – С. 43–52.

References

1. O perekhode na vos'michasovoi rabochii den', na semidnevnuui rabochuii nedeliu i o zapreshchenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriatii i uchrezhdenii. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26.06.1940 g. [On the Transition to an Eight-Hour Working Day, to a Seven-Day Working Week and on the Prohibition of Unauthorized Withdrawal of Workers and Employees from Enterprises and Institutions. Decree of the Presidium of the Armed Forces of the USSR Dated 26.06.1940], available at: <http://base.consultant.ru> (accessed 11 August 2019).
2. Lukassen Ia. Motivatsiia truda v istoricheskoi perspektive: nekotorye predvaritel'nye zametki po terminologii i printsipam klassifikatsii [Motivation of Labor in Historical Perspective: Some Preliminary Notes on Terminology and Classification Principles]. *Sotsial'naiia Istoriia. Ezhegodnik*. 2000. Moscow, ROSSPEN, 2000, pp. 194–205.
3. Solomon P. Sovetskaia iustitsiia pri Staline [Soviet Justice Under Stalin]. 2nd ed. Moscow, ROSSPEN, 2008, 464 p.
4. Fond Permskogo oblastnogo komiteta KPSS [Foundation of Perm Regional Committee of the Communist Party], *Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGaSPI)*, f. 105, op. 7.
5. Zemskov V.N. Ukaz ot 26 iunia 1940 goda ... (eshche odna kruglaia data) [Decree of June 26, 1940 ... (Another Round Date)]. *Raduga*, 1990, no. 6, pp. 43–49.
6. «Osuzhdeno za proguly 40,7 % rabochikh». Kak v SSSR ukrepliaili trudovuiu distsiplinu [It is Condemned for Truancies 40.7% of Workers]. As in the USSR Strengthened Labor a Harmony], available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1353083> (accessed 16 February 2020).
7. Shmyrov B.D. Trudmobilizovannye Sredneaziatskogo voennogo okruga na ob"ektakh stroitel'stva i promyshlennosti Cheliabinska v 1942–1945 gody [Labor Mobilized in the Central Asian Military District at Construction and Industrial Facilities in Chelyabinsk in 1942–1945]. *Gorokhovskie chteniia. Proceedings of the 5nd Region muzeinoi Conference*. Cheliabinsk, Cheliabinskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei, 2014, pp. 316–324.

8. Romanov R.E. Sovetskoe gosudarstvo i rabochie Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voiny: prinuditel'naia strategiiia sotsial'no-trudovoi kommunikatsii [Soviet State and Workers of Siberia During World War II: Forced Strategy of Social and Labor Communication]. *Istoriko-Ekonomicheskie Issledovaniia*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 303–329.
9. Somov V.A. Po zakonam voennogo vremeni. Ocherki istorii trudovoi politiki SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.) [According to the Laws of Wartime. Essays on the History of the Labor Policy of the USSR During the Great Patriotic War (1941-1945)]. Nizhnii Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, 154 p.
10. Fond Permskogo oblastnogo komiteta KPSS [Foundation of Perm Regional Committee of the Communist Party]. *PermGaSPI*, f. 1996, op. 1.
11. Pecherskii A.V. Deiatel'nost' prokurorskih organov Krasnoarskogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Activities of Procuratorial Bodies of Krasnoyarsk Krai During the Great Patriotic War]. *Gumanitarnyi Vektor*, 2016, no. 4, pp. 25–34.
12. Podrepnyi E.I. Kadrovye problemy novykh zavodov aviatsionnoi promyshlennosti SSSR nakanune i v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Gor'kovskoi oblasti) [Personnel Problems of New Factories of the Aviation Industry of the USSR on the Eve and in the First Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Gorkov Region)]. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Sotsial'no-Ekonomicheskikh Nauk*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 117–123.
13. Kabirova A.Sh. Vliianie pravovykh i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na trudovoe povedenie rabochikh v promyshlennosti Tatarskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945) [Influence of Legal and Socio-Economic Factors on Labor Behavior of Workers in the Tatar ASSR During the Great Patriotic War (1941-1945)]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A.S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 3, pp. 169–180.
14. Kodincev A.Ia. Osushchestvlenie pravovoi politiki sovetskogo gosudarstva organami iustitsii pri provedenii kompanii po realizatsii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunia 1940 goda v voennyi i poslevoennyi period [Implementation of the legal policy of the Soviet State by the judicial authorities in carrying out the company on the implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 26 June 1940 in the military and post-war period]. *Pravo i Politika*, 2008, no. 5, pp. 72–79.
15. Tochenov S.V. Volneniia i zabastovki na tekstil'nykh predpriatii Ivanovskoi oblasti osen'iu 1941 goda [Unrest and Strikes at Textile Enterprises of Ivanovo Region in Autumn 1941]. *Otechestvennaia Istoriiia*, 2004, no. 3, pp. 42–47.
16. Fond Krasnokamskogo gorodskogo komiteta KPSS. [Fund of Krasnokamsk City Committee of the Communist Party]. *PermGaSPI*, f. 1290, op. 1.
17. Fond Sverdlovskogo raionnogo komiteta KPSS. [Fund of the Sverdlovsk District Committee of the Communist Party]. *PermGaSPI*, f. 231, op. 1.
18. Sizov S.G. Mobilizatsionnaia ekonomika i problema reevakuatsii: massovoe begstvo i volneniia evakuirovannykh rabochikh v Sibiri i na Urale v pervye poslevoennye gody (1945–1946) [Mobilization Economy and the Problem of Reevacuation: Mass Flight and Unrest of Evacuated Workers in Siberia and the Ural in the First Post-War Years (1945-1946)]. *Magistra Vitae: Elektronnyi Zhurnal po Istoricheskim Naukam i Arkheologii*, 2016, no. 1, pp. 87–94.
19. Poliakov A.I. Reshenie kadrovyykh problem v tylovom regione v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Gor'kovskoi oblasti) [Solution of Personnel Problems in the Rear Region During the Great Patriotic War (on the Example of Gorkov Region)]. *Vlast'*, 2016, no. 9, pp. 185–190.
20. Romanov R.E. Regulirovanie trudovoi mobil'nosti naseleniia SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: normy i real'nost' [Regulation of Labor Mobility of the Population of the USSR Before and During the Great Patriotic War: Norms and Reality]. *Istoriko-Ekonomicheskie Issledovaniia*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 271–296.
21. Paletskikh N.P. Naselenie Urala v usloviakh Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy sotsial'noi mobil'nosti [The Population of the Ural in the Conditions of the Great Patriotic War: Problems of Social Mobility]. *Ural'skii Istoricheskii Vestnik*, 2018, no. 4 (61), pp. 135–141.
22. Goncharov G.A. Liudi «vtorogo sorta» v usloviakh voennogo vremeni: iz povsednevnoi zhizni «trudarmitei» Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [People of "Second Class" in Wartime Conditions: from the Daily Life of "Workarmates" of the Ural During the Great Patriotic War]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Istoriiia Rossii*, 2003, no. 2, pp. 116–126.
23. Belonogov Iu.G. Realizatsiia Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 26 iyunia 1940 g. v Molotovskoi oblasti v dovoennyi period (na osnove materialov Permskogo gosudarstvennogo arkhiva noveishei istorii) [Implementation of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on June 26, 1940 in Molotov Region in the Pre-War Period (on the Basis of the Materials of the Perm State Archive of Recent History)]. *Arkhiv v sotsiume — sotsium v arkhive. Proceedings of the 2nd Region Scientific and Practical Conference*. Cheliabinsk, 2019, pp. 110–114.
24. Tochenov S. V. Nastroyeniia naseleniia Ivanovskoi oblasti na nachal'nom etape Velikoi Otechestvennoi voiny (iun' – avgust 1941 goda) [Sentiment of the Population of Ivanovo Region at the Initial Stage of the Great Patriotic War (June - August 1941)]. *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2008, no. 4 (8), pp. 43–52.